

Гордость

Анне ЗЕГЕРС — 80 лет

ЛИТЕРАТУРЫ ГДР

Берлин, Союз писателей ГДР,
Анне ЗЕГЕРС

Дорогая Анна Зегерс!
В день Вашего славного юбилея Ваши товарищи по литературному труду, многочисленные читатели Вашего большого таланта в СССР шлют Вам свои самые сердечные поздравления и наилучшие пожелания.

Ваши замечательные произведения, вдохновенные подлинным гуманистическим пафосом, идеями антифашистской борьбы и интернационализма, были и остаются по сей день любимыми книгами для миллионов трудящихся во многих странах мира.

В годы, когда над Вашей родиной нависали злое тучи гитлеризма, развязавшего вторую мировую войну, Ваше мужественное, правдивое слово художника служило острым оружием в борьбе с фашистским варварством и мракобесием. Своей благородной и неутомимой деятельностью в защиту мира, демократии и социализма Вы снискали любовь и уважение всех, кого волнуют судьбы человечества.

Мы знаем Вас как давнего и испытанного друга нашей страны, внесшего значительный вклад в укрепление и углубление творческой дружбы между советскими писателями и писателями Германской Демократической Республики.

Желаем Вам, дорогая Анна Зегерс, долгих лет жизни, крепкого здоровья, новых творческих достижений.

С братским приветом

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР



Мы возвращались с войны. Еще в Германии, в этих ухоженных, благоухающих городках, среди аккуратных домиков с флюгерами, мы начинали задумываться: что же такое фашизм? Откуда взялась эта бесчеловечность, мерзость нацизма? Почему, как он завелся в немецком народе? Где его корни?..
После войны потребность понять, осмыслить пережитое, войну становилась все настоятельней. Трагедии немецкого народа помогали постичь

Даниил ГРАНИН

БИОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЯ

Прежде всего писатели-антифашисты, замечательная плеяда немецких писателей — Брехт, Фейхтвангер, Бредель, Феллада и, конечно, Анна Зегерс.

Романы Анны Зегерс были известны советским читателям еще с тридцатых годов. Но совершенно по-иному читались написанные ею строки в годы войны. Как много значил для послевоенной нашей духовной жизни роман Анны Зегерс «Седьмой крест» и другой ее роман — «Мертвые остаются молодыми!» Эти книги принадлежали к тем, которые не просто прочитываются, а входят неотъемлемо в духовную биографию поколения. Романы Анны Зегерс участвовали в процессе познания, который происходил в то время у нас, прошедших с войны солдат. Нелегкая это была работа души — отделить ненавистный фашизм от нации, от народа, обрести веру в будущее немецкого народа. И театр Брехта, и книги Томаса Манна и Анны Зегерс обладали убедительностью, доказательностью, которые помогали принять новую Германию.

Позже, занимаясь литературой, я все более ценил в романах Анны Зегерс серьезность, честность, я бы сказал, застенчивость ее художественной манеры. Она работала без пафоса, она не поддавалась соблазну высоких слов. Проза ее отличалась напряженностью сюжета. Это не только значит в современном романе, но и в современной прозе, рбессильном хроникальности, описательности,

с ее давним глубоким знанием русской классики, с ее влюбленностью в Гоголя, Достоевского, Чехова.

Она поразила меня скромностью, неприхотливостью жизни, своей неприязнью к удобствам. Всякий раз, бывая у Анны Зегерс, убеждаешься, как мало надо для того, чтобы писать, как много надо для того, чтобы быть настоящим писателем. Годы не убавляли ее энергии, радушия, отзывчивости, не тушили яркости ее глаз, их исполненного красоты и силы блеска. Анна Зегерс по праву много лет возглавляла литературную организацию ГДР, это право не только таланта, авторитета, но и общей любви к ней. Она мужественно и справедливо. Бывая Берлине, хочется увидеть ее прежде всего с ней; по поводу событий литературной жизни всегда спрашиваешь у немецких товарищей: а что об этом говорит Анна Зегерс, каково ее отношение? Это потому, что ей веришь, ее принципиальность, ее порядочность время испытывало не раз, может быть, слишком часто. Она оправдала самые строгие требования. Как нужен такой стойкий и долгий пример для каждого писателя, для всей литературы!

Анна Зегерс много сделала для связи наших социалистических литератур — немецкой и советской. Ее деятельность, отмеченная международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами», общеизвестна. В эти дни мне хочется приветствовать ее от лица тех солдат, кто встретил вдруг идущего навстречу с богами соратника, помогавшего нам в этой войне. Мы благодарны Анне Зегерс за все, сделанное ею в нашей общей борьбе с фашизмом. А еще хочется поблагodarить судьбу за то, что выпала радость знать этого человека...

Борис ПОЛЕВОЙ ТАЛАНТ БОРЦА

СЕГОДНЯ, когда отмечается столь почтенный юбилей признанного классика немецкой и мировой литературы Анны Зегерс, мне вспоминается первое знакомство с первой переводчицей у нас и изданной в «Роман-газете» ее книгой. Было это давно, в пору моей юности. Мы, комсомольцы тверского текстильного комбината «Пролетарка», увлекались в ту пору немецким рабочим движением. Ходили в форме юнштурма, приветствовали друг друга спартаковским жестом, прикладывая сжатый кулак к плечу. Поцелам моей родной фабрики, как переходящий приз, ходил красный вымпел, присланный в Тверь ганноверскими текстильщиками. Хор молодежного клуба затвердил по латфонной пластинке песню Эрнста Буша «Марш Красного Веддинга», а когда делегация ганноверских ткачей приехала к нам, мы рванули этот марш на немецком языке, хоть и не знали его.

Как раз тогда и попала мне в руки книга, озаглавленная «Возстание рыбаков», — небольшая, очень ежкая, увлекательная повесть, пленявшая суровой правдой о классовых боях на маленьком клочке немецкого побережья. На обложке было написано имя, тогда еще неизвестное нам, — Анна Зегерс, а с портрета смотрела на нас красивая девушка с короткими волосами из-под замолоченной на затылок кепки.

С той давней поры я стал усердным поклонником Зегерс и читал все, что выходило

Открытие Америки

Разговор с мальчиком, записанный дословно

Рассказчик (завершая свое повествование): И наконец, когда они проплавали по морю сорок дней и ночей, когда всех охватило отчаяние и они начали сыпать проклятиями, на исходе сорок первого дня впередсмотрящий кричал: «Земля!» Тут все выбежали на палубу и увидели берег.

Мальчик (после долгого раздумья): А Христофор Колумб знал, что будет земля?

Рассказчик: Нет, он не знал, потому что был самым первым из тех, кто когда-либо проделал этот путь. Он только надеялся, что за всем этим морем должна быть земля.

Мальчик: Надеюсь, что за всем этим морем должна быть земля... Но точно он не знал?

Рассказчик: Нет, откуда же он мог знать точно?

Мальчик: И все-таки он поплыл?

Рассказчик: И все-таки поплыл.

Мальчик (надолго задумывается): А Христофор Колумб был очень смелый?

Рассказчик: Ты ведь и сам понимаешь, что он был очень смелый.

Мальчик: А которые поплыли вместе с ним, они ведь тоже были очень смелые?

Рассказчик: Да, они тоже были смелые.

Мальчик: Но не такие смелые, как сам Колумб?

Рассказчик: Нет, не такие. Они просто поплыли вместе с ним.

Мальчик: А Христофор Колумб был очень-очень смелый?

Рассказчик (с легкими признаками нетерпения): Ты сам уже несколько раз говорил, что он был очень-очень смелый.

Мальчик (после еще более длительного раздумья): Он не знал, что будет земля, и все же пустился в путь. Вот почему Христофор Колумб был такой смелый.

Рассказчик: Ты совершенно прав. Именно по этой причине Христофор Колумб был очень-очень смелый.

Мальчик: Теперь многие ездят в Америку, но они все же не такие смелые.

Рассказчик: Да, они не такие.

Мальчик: Потому что они не первые. Они точно знают, что будет земля.

Рассказчик: А ты хотел бы стать таким, как Христофор Колумб?

Анна ЗЕГЕРС НЕПОВТОРИМАЯ ПРОНИКНОВЕННОСТЬ

Анна Зегерс прежде всего и больше всего известна как писатель-прозаик. Ее многочисленные выступления по вопросам искусства, ее критические, публицистические статьи, эссеистика, речи на писательских съездах или международных конгрессах, ее переписка с писателями и читателями сравнительно мало изучены. В начале 70-х годов Академия наук ГДР постралась восполнить этот пробел, выступив трехтомное собрание статей и выступлений Анны Зегерс под общим названием «О

произведении искусства и действительности. Его можно читать как своеобразный комментарий к собранию ее сочинений и к ее жизни, которая сама по себе поражает воображение.

Публикуемые ниже заметки взяты из этого трехтомника, они создавались в разные годы, по разным поводам, но все их объединяет общая, сквозная тема — размышления о месте и роли писателя в формировании действительности, о писательском призвании.

Мальчик: Нет, не хотел бы. В этой истории я бы хотел быть другим человеком.

Рассказчик (крайне удивлен): Как же еще можно быть в этой истории?

Мальчик: Я бы хотел быть впередсмотрящим, тем, кто раньше всех увидел берег и громко крикнул (рупором прикладывая руки к губам и убагает): «Земля! Земля!»

1981

Новое и непреходящее

За последнее время писательские дискуссии в прессе, на радио и в нашей жизни занимают немало места. Это вполне соответствует мере участия писателей и других представителей искусства в формировании человеческого мира.

Рассказчик (с легкими признаками нетерпения): Ты сам уже несколько раз говорил, что он был очень-очень смелый.

Мальчик (после еще более длительного раздумья): Он не знал, что будет земля, и все же пустился в путь. Вот почему Христофор Колумб был такой смелый.

Рассказчик: Ты совершенно прав. Именно по этой причине Христофор Колумб был очень-очень смелый.

Мальчик: Теперь многие ездят в Америку, но они все же не такие смелые.

Рассказчик: Да, они не такие.

Мальчик: Потому что они не первые. Они точно знают, что будет земля.

Рассказчик: А ты хотел бы стать таким, как Христофор Колумб?

Мальчик: Нет, не хотел бы. В этой истории я бы хотел быть другим человеком.

Рассказчик (крайне удивлен): Как же еще можно быть в этой истории?

Мальчик: Я бы хотел быть впередсмотрящим, тем, кто раньше всех увидел берег и громко крикнул (рупором прикладывая руки к губам и убагает): «Земля! Земля!»

1981

Новое и непреходящее

За последнее время писательские дискуссии в прессе, на радио и в нашей жизни занимают немало места. Это вполне соответствует мере участия писателей и других представителей искусства в формировании человеческого мира.

Рассказчик (с легкими признаками нетерпения): Ты сам уже несколько раз говорил, что он был очень-очень смелый.

Мальчик (после еще более длительного раздумья): Он не знал, что будет земля, и все же пустился в путь. Вот почему Христофор Колумб был такой смелый.

Рассказчик: Ты совершенно прав. Именно по этой причине Христофор Колумб был очень-очень смелый.

Мальчик: Теперь многие ездят в Америку, но они все же не такие смелые.

Рассказчик: Да, они не такие.

Мальчик: Потому что они не первые. Они точно знают, что будет земля.

Рассказчик: А ты хотел бы стать таким, как Христофор Колумб?

Герман КАНТ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

НАВЕРНО, я не без некоторого хвастовства часто и охотно рассказываю о том, как некогда Анна Зегерс дала мне наказ — учиться. Было это, страшно подумать, тридцать два года назад, и я давно уже успел позабыть большую часть того, чему и вправду с тех пор стал учиться, но наказу Анны Зегерс я буду верен всю жизнь.

Впрочем, чем больше отдалается этот эпизод, тем подозрительнее относятся к нему рассказам о нем, сама Анна Зегерс. Впервые мне довелось поведать об этом ее наказе в статье, посвященной 60-летию писательницы. И вот тогда-то, встретившись со мной на одном собрании, Анна Зегерс вдруг подозвала меня к дверям и там, в дверях, объявила мне, что статья ей понравилась.

Слегка ошарив от ее энергичной похвалы, я побрел назад в зал заседания. И тут,

какое-то время спустя, она прошла через весь зал, чтобы довольно громко сообщить мне: нет, сама она почти не помнит рассказанного мной эпизода. С течением лет, однако, это «почти не помню» все больше превращалось в «решительно не помню», и, признаваясь, я старался освежить память моей уважаемой коллеге и для этого то и дело «ссылался на разных свидетелей и свидетельства».

Как-то раз я вручил ей копию очерка, из которого по крайней мере явствовало, что я не выдавал тот эпизод. От этого, однако, ничего не переменилось.

Я вынужден был сделать вывод, что Анна Зегерс отвергла мой рассказ потому, что плоды того давнего совета ее не радуют. Конечно, это не слишком-то приятно, но мне ничего другого не оставалось, как примириться. В конце концов я был лишь одним из тех бесчисленных мо-

